

Оглавление

Напутствие читателю.....	11
Введение.....	17
Глава 1. ПЛАНЫ	37
Глава 2. ТВОРЧЕСТВО	51
Глава 3. ОЗАРЕНИЕ	73
Глава 4. УСПЕХ	93
Глава 5. ИДЕАЛЫ	117
Глава 6. СЧАСТЬЕ	137
Глава 7. ЛЮБОВЬ	161
Глава 8. СЕМЬЯ	185
Глава 9. МУЖЕСТВО	207
Глава 10. СМЕРТЬ	233
Глава 11. СТОЙКОСТЬ	257
Глава 12. ИСТИНА	275
Слова благодарности.....	299
Приложение 1. Знакомьтесь: Лев Толстой. Важнейшие события в жизни писателя.....	303
Приложение 2. Кто есть кто в романе «Война и мир»: имена и титулы персонажей.....	311
Дополнительная литература.....	315
Несколько слов о переводах «Войны и мира»	321
Об авторе.....	323
Примечания.....	325

Напутствие читателю

Осенью 1987 года, поступая в Амхерстский колледж, я был совершенно уверен, что выберу экономику или политологию в качестве специальности, а изучать русский язык продолжу где-нибудь еще, как делал это с младших классов средней школы. Горбачев пришел к власти всего за несколько лет до этого, и, поскольку в тогдашнем Советском Союзе открылись возможности для бизнеса, мои родители мудро посоветовали мне, еще будучи учеником средней школы в Мичигане, начать изучать русский язык. Тогда я и понятия не имел, что это, казалось бы, не самое важное решение, принятое по чисто прагматическим соображениям, станет началом главного духовного путешествия в моей жизни.

На втором курсе университета я начал посещать обзорные лекции по русской литературе. В первые же дни профессор предложил поработать с книгой еще сложноватой для нас, студентов. Речь шла о, наверное, самом знаменитом романе в мире, а именно о шедевре Толстого «Война и мир». Помню, как я бродил по извилистым дорожкам кампуса с до смешного толстым, зачитанным почти до дыр томом с вываливающимися страницами, уголки которых читатели загибали, а потом аккуратно разглаживали; количество этих страниц выражалось четырехзначным числом. По вечерам я читал роман, скрючившись на потертом красном двухместном диванчике возле стеллажей

с книгами в цокольном этаже библиотеки имени Роберта Фроста* или в отсутствие соседей по комнате в общежитии сворачивался с книгой клубком под покрывалом на своей на редкость неудобной кровати. Барахтаясь в океане подробностей, впечатлений и неудобопроизносимых имен, я все глубже погружался в мир другой страны, который тем не менее начинал казаться мне странно знакомым.

Один из героев книги, особенно яркий, совершенно как живой, словно выступал с ее страниц, обращаясь непосредственно ко мне. Это был Пьер Безухов — неуклюжий двадцатилетний очкарик, только что вернувшийся из Европы, где прожил 10 лет, и пытавшийся найти свое место в быстро меняющейся России. Мне, юноше, выросшему в маленьком городке на американском Среднем Западе и внезапно очутившемся на холодном деловом Северо-Востоке, были понятны чувства Пьера; я находил у себя много общего с тем, что творилось в его мятущейся душе. Мне было знакомо страстное стремление Пьера к осмысленной, подлинной и полной жизни. Его долгая, извилистая дорога к истине увлекала и вдохновляла меня, и я, поначалу едва не заплутавший в тексте Толстого, вскоре начал узнавать себя в нем.

На сегодняшний день мы со Львом Толстым уже почти 25 лет вместе. Я знаю его дольше, чем многих друзей и коллег, а наши отношения, как недавно заметила моя жена Корин, с некоторым беспокойством наблюдая за тем, как нежно я поглаживаю потрепанную обложку старого университетского издания «Войны и мира», куда глубже. У нас были взлеты и падения, случались и разногласия, мы даже несколько раз расставались. После аспирантуры мне настолько осточертела академическая жизнь, что я бросил Толстого и русскую литературу в целом

* Роберт Фрост (1874–1963) — один из крупнейших американских поэтов. — *Прим. ред.*

ради заманчивой перспективы артистической карьеры. Я вернулся к старому графу лишь несколько лет спустя и был поражен, обнаружив, что в мое отсутствие он стал еще мудрее, а роман «Война и мир» так же свеж и важен для меня, как много лет назад, когда я впервые прочел его, — и даже более того. Как это бывает с большинством длительных отношений, я заново открыл для себя причины, по которым когда-то влюбился в Толстого. Я полюбил его прежде всего за сочетание скептицизма и надежды, за детское любопытство, с которым он смотрит на мир, прекрасно понимая, кто есть кто и что есть что. Я полюбил его за то, что он отваживается верить в человеческую доброту, даже если его рациональный ум указывает на тысячу причин, по которым делать этого не стоит; за вечную готовность окунаться прямо в реку жизни, плескаться и играть в ее водах, отлично зная, что ниже по течению наверняка маячит бушующий водопад.

Когда сегодня российские школьники знакомятся с «Войной и миром», мальчики обычно читают исключительно «про войну», а девочки — «про мир». В результате те и другие не просто пропускают события, которые кажутся им неинтересными, но упускают самую суть романа. Нелишне напомнить, что в русском языке слово «мир» означает как отсутствие войны, так и космос, Вселенную. Поэтому русские понимают, что роман Толстого не только о войне и мире в «земном» смысле, но также про войну и мир в особом, космическом измерении. Эту тонкость невозможно передать при переводе на английский язык. Уклоняетесь ли вы от пуля на поле боя или парируете остроумный выпад недоброжелателя на военном совете; командир ли вы, готовящийся отразить атаку вражеских войск, или хозяйка светского салона, пытающаяся избавиться от несносного гостя; генерал ли, ведущий войско через русскую деревню, или мальчишка, собирающийся сообщить отцу, что только что проиграл 43 000 рублей, — жизнь, говорит нам Толстой, — это битва.

А еще это движение и изменение: «Нет ничего stable* в жизни. Все равно как приспособляться к текущей воде. Все — личности, семьи, общества, все изменяется, тает и переформируется, как облака. И не успеешь привыкнуть к одному состоянию общества, как уже его нет и оно перешло в другое»².

Тем не менее из всей этой разногласицы, из всех этих столкновений «Войны и мира» рождается удивительное, обнадеживающее видение мира как места, которое, несмотря ни на что, исполнено смысла. И пускай автор этого «рыхлого, растянутого монстра», как называл американский писатель и критик Генри Джеймс длинные романы викторианских времен, не желает связывать разные вещи в единое целое и придавать тексту добротную, изысканную литературную форму, все же у читателя романа не остается впечатления, что, как считали некоторые «просвещенные» современники Толстого, мир, в котором мы живем, — всего лишь отражение взаимодействия великого множества физических, химических и биологических сил. Жизнь, какой нам показывает ее Толстой, одновременно беспорядочна и осмысленна, прозаична и поэтична, чувственна и разумна — и, чтобы мы это увидели, требовалась такая литературная форма, которая позволила бы показать и детали, и общую картину, представить читателю взгляд более широкий, нежели тот, который был свойствен многим современникам Толстого, застрявшим на мелочах и погрязшим в идеологических разногласиях.

«В умной критике искусства, — писал Толстой своему другу философу Николаю Страхову в 1876 году, — всё правда, но не вся правда, а искусство потому только искусство, что оно всё»³. Поэтому, объяснял он ему в другом письме, «нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей

* Устойчивого (англ.). — Прим. пер.

в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства»⁴. Иными словами, необходимы люди, которые, вместо того чтобы деконструировать литературное произведение, то есть разрушать его в процессе анализа ради продвижения своих идеологических или профессиональных установок, стремились бы конструировать его, то есть воссоздавать во всей полноте на благо читателей всего мира; люди, которые вместо того, чтобы расщеплять книгу на элементы, как химический препарат в чашке Петри, обращались бы с ней как с живым, дышащим существом.

В московском музее писателя я познакомился с удивительной женщиной — хранительницей рукописей Толстого. Когда миниатюрная 70-летняя дама с сухим морщинистым лицом и тонкими седыми волосами рассказывает о том, каково это — прикасаться к страницам черновиков «Войны и мира», ее светлые и добрые, как у святой, глаза загораются и собеседнику хочется как можно скорее оказаться там, где хранятся рукописные страницы, и прикоснуться к ним. «Они любят, когда с ними работают», — говорит дама и улыбается так радостно, как если бы рассказывала о своих детях или внуках. Ничего удивительного — для нее эти рукописи живые. В самом деле, мудрые слова этой женщины следовало бы выбить над входом в каждую школу, в каждую университетскую аудиторию, где читают лекции по литературе: «Книги — живые». Они любят, когда их не просто «изучают», а взаимодействуют с ними на глубоко личном уровне, полностью отдаваясь чтению; при этом и пространство читательского «я», и мир книги расширяется до такой степени, какую трудно себе представить.

Я старался быть именно таким читателем — таким, каким, мне кажется, Толстой хотел бы видеть читателя своего романа. Увенчались ли мои старания успехом? Кто знает... Одно могу сказать с уверенностью: я дал «Войне и миру» шанс войти в мою жизнь и надеюсь, что вы сделаете то же самое.

Искатель истины. Толстой идет из Москвы в Ясную Поляну,
1886 или 1888 г.

Введение

Времена трудные, страх и тревога нарастают, люди ищут ответы на важные (и не очень) вопросы. Страна воюет, предчувствие перемен носится в воздухе, будущее неопределенно. Добро пожаловать в Россию начала XIX столетия! Добро пожаловать в мир Льва Толстого и «Войны и мира»!

Величайший русский писатель умер более века назад, однако мудрость, содержащаяся в его самом известном сочинении, сегодня актуальна как никогда. Книга, которую большинство критиков считают самым выдающимся романом всех времен и народов, принадлежит и к числу тех, которых больше всего боятся читатели. Ничего удивительного: в ней около 1500 страниц, 361 глава, 566 000 слов. Тем не менее она вновь и вновь переиздается. Регулярно «Война и мир» входит на Amazon в число 50 главных бестселлеров в категории «Мировая литература» и занимает третью строку в списке самых продаваемых книг о войне. Несмотря на то, что в 2006 и 2007 годах вышло сразу три новых перевода романа, издательство Oxford World's Classics в 2010 году выпустило новое издание в великолепном переводе Луизы и Эймлера Мод.

В июле 2009 года в рейтинге журнала *Newsweek* «Война и мир» стояла на первом месте в списке 100 великих романов, опережая романы Оруэлла «1984» (2-е место) и Джойса

«Улисс» (3-е место). В 2007 году *The AARP Bulletin* — издание, которое читают миллионы людей, — включило роман в число четырех важнейших книг, которые к 50 годам обязан прочесть каждый. А по результатам опроса, проведенного в 2009 году газетой *The New York Times*, «Война и мир» признана классическим произведением мировой литературы, которое люди чаще всего читают в метро.

На популярность «Войны и мира» не повлияли ни выбор Опррой Уинфри «Анны Карениной» для обсуждения в ее «Книжном клубе» летом 2004 года, ни экранизация в 2012 году этого романа с Кирой Найтли и Джудом Лоу в главных ролях. Роман «Анна Каренина», изобилующий семейными проблемами, разрушенными браками и яркими эротическими сценами и заканчивающийся одним из самых страшных в мировой литературе самоубийств, написан словно специально для Опры и Голливуда. Но «Война и мир»? Что могут увидеть в книге о Наполеоновских войнах начала XIX века все эти преданные читатели *Newsweek*, пенсионеры и спешащие на работу пассажиры метро?

Отражение сегодняшнего времени.

Век «Войны и мира» был, знаете ли, далеко не таким спокойным и благостным, как думают многие наши современники, живущие в раздираемую войнами, перенасыщенную информацией и теряющую нравственные ориентиры эпоху. Время и атмосфера, в которых разворачиваются события «Войны и мира», — Наполеоновские войны 1805–1812 годов — были ознаменованы чрезвычайно глубокими социальными сдвигами, утратой духовных ценностей и тяжелыми испытаниями. Наполеон, которого многие русские называли антихристом, был безжалостным убийцей, к тому времени захватившим уже пол-Европы. Хуже того, с точки зрения представителей *anciens régimes*^{*}, этот

* Старого режима (фр.). — Прим. ред.

простолюдин, силой проложивший себе путь к власти, внушал молодежи радикальные революционные идеи.

Толстой неслучайно выбрал для «Войны и мира» именно это смутное время. Годы, когда он писал роман, — 1860-е — во многом были не менее бурными. Страна потерпела унижающее поражение от французов и англичан в Крымской войне. Александр II решил компенсировать ущерб за счет модернизации практически всех сторон российского общества и затеял целый ряд глубоких социальных, экономических и политических реформ, включая вызвавшую много споров отмену крепостного права в 1861 году. Все это лишь углубило многолетний раскол между либералами, мечтавшими о более быстрых и радикальных изменениях, и консерваторами, надеявшимися на возвращение привычных старых порядков. Помимо всего прочего, нарастанию хаоса способствовало и зарождение капитализма в стране с многовековыми феодальными и аграрными традициями.

Александр Герцен, один из главных сторонников реформ, блестяще выразил царившую атмосферу кризиса в своем журнале с говорящим названием «Колокол»: «Гроза приближается, этого отвергать невозможно. В этом соглашаются люди революции и люди реакции. У всех закружилась голова; тяжелый, жизненный вопрос лежит у всех на сердце и сдавливает дыхание»⁵. К 1863 году, когда Толстой приступил к работе над «Войной и миром», «тяжелые вопросы», о которых писал Герцен и которые ранее ставились лишь интеллектуалами, уже выплескивались со страниц умных журналов и из академических аудиторий на улицу, проникая во все уголки российского общества.

Социальная ткань истончилась до предела; Толстой остро это ощущал. «Мы начинаем с начала на новых основаниях»⁶, — писал он в 1861 году в дневнике. С одной стороны, художник,

считавший себя ответственным за состояние общества и терзавшийся чувством вины, сопереживал крестьянам, веками страдавшим от крепостного права, — тем более что крепостные были и у самих Толстых. С другой стороны, этому знатному и богатому аристократу, владевшему огромными земельными угодьями, было что терять от распада традиционного общественного уклада, обеспечившего процветание нескольких поколений его предков. Под угрозой оказались и положение графа в обществе, и его финансовое благополучие.

Богатые дворяне-землевладельцы, к числу которых принадлежал Толстой, теперь были вынуждены прокладывать себе путь в незнакомом и жестоком мире свободного рынка. Многим это не удалось. Толстому тоже пришлось столкнуться с финансовыми трудностями. Начать с того, что унаследованные им земельные угодья площадью 100 акров (более 40 га) в Ясной Поляне истощились и уже не давали такого урожая, как прежде. К счастью, практичная супруга графа договорилась о публикации «Войны и мира» на очень выгодных условиях, и эти дополнительные средства позволили на время смягчить финансовые проблемы семьи. И вот в 1869 году Толстой отправляется в путь, чтобы купить земли, и в Арзамасе, в доме, где он останавливается на ночлег, у него случается сильнейшая паническая атака. В письме к жене Толстой описывает ее так:

Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай Бог испытать⁷.

Острое чувство тревоги поставило писателя на грань суицида (в те времена еще не было транквилизаторов). Опасаясь беды, он даже попросил жену спрятать все имевшиеся в доме ножи, ружья и веревки. К счастью, самого страшного не случилось. Толстой много читал и размышлял о случившемся и пришел к поразительному выводу: он, всемирно известный автор «Войны и мира», потерпел полный жизненный крах, потому что всю жизнь шел по неверному пути. «Что же я делал во всю мою тридцатилетнюю сознательную жизнь? — Я не только не добывал жизни для всех, я и для себя не добывал ее. Я жил паразитом и, спросив себя, зачем я живу, получил ответ: ни зачем»⁸.

В результате Толстой решил посвятить остаток жизни написанию морализаторских статей и религиозных трактатов, призывающих читателей жить в соответствии с евангельскими заповедями, которые привлекали его все больше и больше. Знаменитый современник Толстого писатель Иван Сергеевич Тургенев умолял графа прекратить морализаторство и вернуться к тому, что получалось у него лучше всего, то есть остаться великим художником. Но Толстой и не подумал последовать совету бывшего друга, давно ставшего врагом, которого граф однажды даже вызвал на дуэль.

По сей день многие исследователи настаивают на существовании «двух Толстых»: до кризиса в Арзамасе и после него. Как будто жизнь человека, тем более такого сложного, как Толстой, можно разделить на до и после! Это, конечно, ерунда. На самом деле нервный срыв, случившийся в Арзамасе, был не началом второй жизни писателя, а скорее продолжением поисков, начатых несколько лет назад, в трудные 1860-е, — поисков неизменного, вечного смысла в жестоком и беспрестанно меняющемся мире. Ни в каком другом произведении писателя эти поиски не описаны с такой полнотой, как на страницах «Войны и мира».

«Война и мир» — это все. Это и военная проза, и семейная сага, и любовная история. Но прежде всего это книга о людях, пытающихся найти точку опоры в раскалывающемся на куски, распадающемся мире. Это роман о людях, стремящихся жить осмысленной жизнью в стране, раздираемой в клочья войной, социальными изменениями и духовным смятением. В 1860-х годах в России модно было рассуждать о смерти, смысле жизни и духовном просветлении, и роман Толстого стал, пожалуй, самым значимым вкладом в эти дискуссии. Приведут ли нас проблемы и беды начала XXI века к духовному пробуждению (или хотя бы заставят просто очнуться) — совершенно неясно. Однако в любом случае мы обнаруживаем себя в новой, незнакомой реальности, и здесь Толстой может сказать нам нечто важное.

Как и мы, герои Толстого ошибаются, страдают и заходят в тупик. Порой, однако, даже в самых трудных обстоятельствах они переживают моменты высшего блаженства и внезапного озарения. Комфортная, привычная, размеренная жизнь в один миг ломается, восприятие жизни становится особенно острым, а понимание того, что значит жить, быть живым, — особенно глубоким.

Это может послужить утешением многим из нас: матери, у которой сын погиб в Афганистане; отцу четверых детей, вложившему все свои сбережения в финансовую пирамиду Бернарда Мейдоффа*; молодоженам, лишившимся работы или вынужденным трудиться за ничтожную плату, которой едва хватает

* Бернард Мейдофф (1938–2021) — американский финансист и мошенник, который в 1990–2000-х гг. организовал крупнейшую в истории финансовую пирамиду на сумму около \$64,8 млрд. — *Прим. ред.*

на погашение грабительских студенческих кредитов, а значит, не смеющим и мечтать о покупке собственного дома. Казалось бы, для всех настали тяжелые времена. В эпоху, когда США переживают самые серьезные финансовые трудности со времен Великой депрессии, когда нам слишком часто является хорошо знакомый призрак войны, а будущее для многих остается туманным, мы начинаем понимать экзистенциальную тоску Толстого и его персонажей.

Как и все великие учителя, Толстой хорошо знал свой предмет. Его классной комнатой был весь мир, наставником — опыт, а испытания и ошибки — особенно ошибки — самыми надежными средствами обучения. Генри Джеймс метко назвал Толстого «отражателем столь же огромным, как природное озеро; чудовищем, подчиненным своему великому предмету — всей жизни»⁹.

Между тем жизнь Толстого представляла собой мешанину парадоксов, опутанную паутиной противоречий. Бородатый русский мудрец, чьи работы служили источником вдохновения для Махатмы Ганди* и Мартина Лютера Кинга**, не чурался ни кровавого штыкового боя, ни жестокой дуэли с нанесшим ему оскорбление старым другом-писателем. Этот моралист, проповедовавший полное воздержание даже в браке, отличался ненасытным сексуальным аппетитом и имел внебрачного ребенка от местной крестьянской девушки. «Мне необходимо иметь женщину, — писал он в 25 лет в дневнике. — Сладострастие не дает мне минуты покоя»¹⁰; и снова, четыре года спустя: «Похоть

* Махатма Мохандас Карамчанд Ганди (1869–1948) — индийский политический и общественный деятель, сторонник философии ненасилия. — *Прим. ред.*

** Мартин Лютер Кинг (1929–1968) — американский баптистский проповедник, общественный деятель. — *Прим. ред.*

мучит меня, опять лень, тоска и грусть. Все кажется вздор. Идеал недостижим, уж я погубил себя»¹¹.

Во время службы в армии, когда Толстому было за двадцать, он, разглагольствуя перед друзьями об ответственности, проиграл в карты самое ценное, чем владел, — дом в Ясной Поляне, в котором родился. Надо полагать, земельный участок он все-таки сохранил, но, зная, что дорогую его сердцу усадьбу скоро снесут: разберут по доскам и кирпичикам, испытал чувство унижения, которое глубоко ранило его: «...я себе до того гадов, что желал бы забыть про свое существование»¹², — написал Толстой в дневнике. Но уже через две недели снова взялся за старое: «Опять играл в карты и проиграл еще 200 р[ублей] сер[ебром]. Не могу дать себе слово перестать»¹³. Он по-прежнему увлекался азартными играми, устраивал попойки, путался с женщинами и бездельничал.

Толстой пытался обуздать свои страсти, ежедневно записывая правила поведения, как это делал его кумир Бенджамин Франклин*, а на следующий день оценивал свои поступки. Оценки, увы, оставались плохими: «Смешно, 15-ти лет начавши писать правила, около 30 всё еще делать их, не поверив и не последовав ни одному, а все почему-то верится и хочется»¹⁴.

Человек, проповедовавший трезвость, до потери сознания напивался в обществе цыган и башкир. На язык этого пламенного патриота, в своих произведениях увековечившего историю России, французские, британские и немецкие мыслители повлияли куда сильнее, чем русские. Даже уникальный российский бренд — толстовское православие — куда больше походил на американское квакерство с его аскетизмом и прагматизмом, чем на традиционное христианство. Членам семьи и друзьям

* Бенджамин Франклин (1706–1790) — американский политический деятель, философ, ученый, изобретатель. — *Прим. ред.*

писатель рассказывал о радостях самопожертвования, но сам в роскошной столовой господского дома в Ясной Поляне продолжал наслаждаться изысканными блюдами, подаваемыми на привезенном из Европы фарфоре. Он прославлял семейное счастье, но в 82 года ушел из дома. Наконец, много лет предостерегая людей от соблазнов славы, к концу жизни приобрел мировую известность.

В последние годы его жизни в Ясную Поляну съезжались люди со всего света и спрашивали у графа совета по любым вопросам, какие только можно вообразить. Некий Джон Левитт, никому не известный американский фермер, в 1909 году написал Толстому письмо¹⁵, в котором благодарил русского мудреца за то, что тот открыл ему смысл жизни; следуя заветам Толстого, он попросил у графа взаймы \$500. Это письмо, недавно опубликованное сотрудниками Российской академии наук, принесло Левитту 15 минут посмертной славы — о нем узнала крошечная группа ученых-славистов, — но осталось без ответа возмущенного Толстого, который предпочитал, чтобы у него просили советов, а не денег.

Уильяма Дженнингса Брайана, кандидата в президенты от Демократической партии, а позднее госсекретаря США в администрации Вудро Вильсона, во время визита в Ясную Поляну так увлекла беседа с Толстым, что он попросил Николая II, с которым должен был встречаться на следующий день, отложить аудиенцию. Действительно, в последние годы XIX века часто можно было услышать, что в России два царя — Николай II и Лев Толстой, причем последний был более почитаем.

В 1889 году, прочитав пространный очерк Толстого «О жизни», Эрнест Кросби, 33-летний американский дипломат, в то время работавший в Египте, решил, что дипломатия не его призвание, и следующие 27 лет жизни посвятил изучению творчества Толстого и чтению по всей стране лекций о нем.

В своем первом письме к Толстому Кросби благодарил графа за то, что тот открыл ему глаза на истинный смысл жизни, и делился с новообретенным духовным наставником своими размышлениями: «Я уверен, что уже никогда не стану тем скептиком, тем безнадежным и бесполезным человеком, кем был до того, как прочел Вашу книгу. Уверен, что вы будете тронуты, узнав, как благотворно влияете на людей другой крови из далеких стран»¹⁶.

Это радикальное изменение личности вряд ли тронуло влиятельного отца Кросби, который, используя семейные связи с будущим президентом США Теодором Рузвельтом, помогал сыну добиваться престижного дипломатического поста и, вероятно, надеялся на его более традиционную и прибыльную карьеру. Но даже Кросби-старший потерпел поражение в схватке с могущественной музой, вставшей между ним и его сыном. Правда, было решено, что если уж Эрнест собрался стать последователем Толстого, то по крайней мере должен сделать это красиво. Для этой цели мистер Кросби предоставил сыну летнее семейное поместье в Новой Англии в качестве убежища для его занятий русской литературой.

Почитаемый во всем мире пророк, вдохновивший Эрнеста Кросби своим призывом к вселенской любви, сам, однако, сталкивался с огромными трудностями, пытаясь любить свою семью и быть любимым ею. Бурная семейная жизнь Толстого давала богатый материал желтой прессе. Подобно тому как сегодня мы следим за судьбой героев реалити-шоу «Джон и Кейт плюс 8»*, читатели всего мира следили за событиями, разворачивавшимися в саге «Лев и Соня плюс 8». (Супруга Толстого Софья родила графу 13 детей, однако пятеро из них умерли в детстве.) К концу

* «Джон и Кейт плюс 8» (Jon & Kate Plus 8) — американское телевизионное реалити-шоу, посвященное жизни многодетной семьи; транслировалось с 2007 по 2017 г. — *Прим. пер.*

жизни Толстого эта бесконечная семейная драма достигла скандальных масштабов — 82-летний писатель покинул семью.

The New York Times от 31 октября* 1910 года вышло с заголовком: «Толстой нашелся. Жена пыталась покончить с собой. Потрясенная уходом мужа и его решением стать отшельником, она хотела утопиться. Ее спасла дочь. Сообщается, что старый писатель, просивший не искать его и не следовать за ним, находится в поместье друга».

В тот же день издание, которое всегда гордилось тем, что публикует только новости, достойные печати, сочло возможным использовать бегство Толстого из Ясной Поляны и его уход от жены как повод для рассуждений о психологии знаменитостей.

Тот факт, что писатель, которому уже за 80, желает провести свои последние дни отшельником, не удивит никого из тех, кто знаком с его карьерой; но то, что он сознательно оставил жену, родившую ему 13 детей, даже учитывая его эксцентричный характер, заставляет предположить, что он вышел из ума. Многие считают, что причиной его внезапного бегства стало именно слабоумие¹⁷.

Издание *The American Review of Reviews* выразилось еще более откровенно: «Ни одному человеку, причинившему страдания не согласной с ним жене и детям, которых он любит, нет оправдания».

* Даты из жизни Толстого даются по старому стилю (юлианскому календарю), который действовал в России до 1918 г. В XIX в. он отставал от западного (григорианского) на 12 дней, в XX в., как и сегодня, — на 13 дней. — *Прим. авт.*

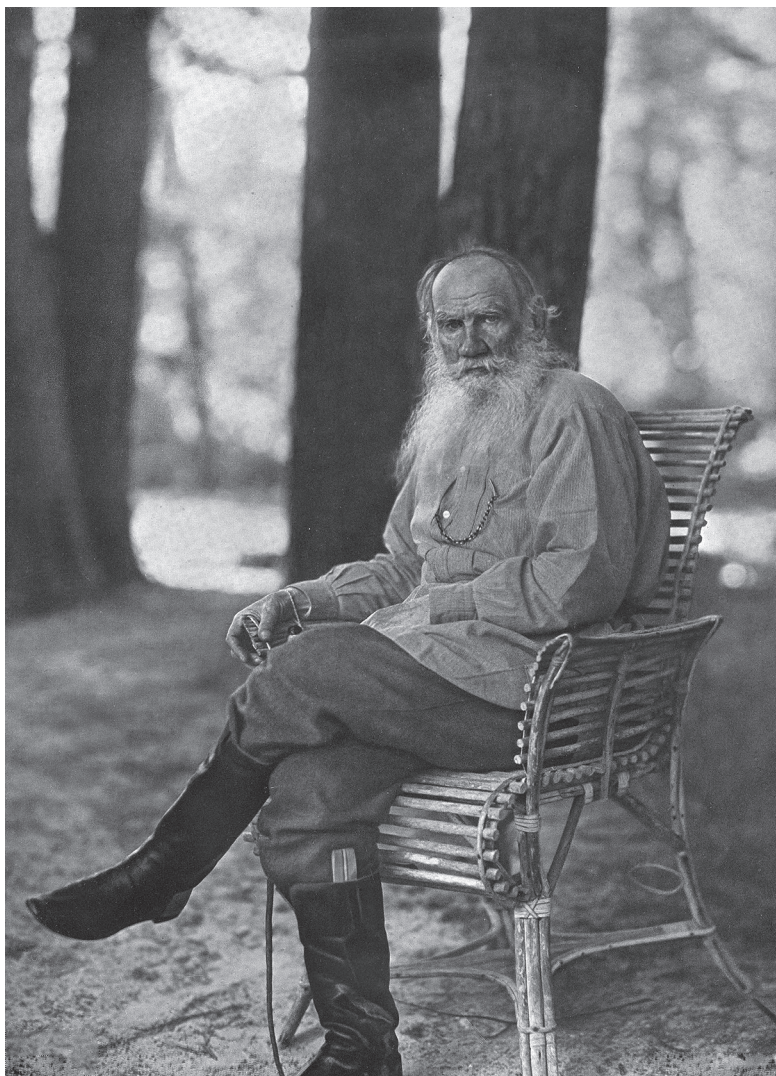
Такой финал жизни, скорее всего, не укладывался в представления графа о семейной жизни той поры, когда в возрасте 31 года он опубликовал идиллический маленький роман «Семейное счастье» (1859) или когда через несколько лет, уже работая над «Войной и миром», писал в дневнике о начале жизни с Софьей: «Мы так счастливы вдвоем, как, верно, счастливы 1 из миллиона людей»¹⁸. Толстой рассказывал о радостях и скорбях любви красиво, как никакой другой автор. Однако, к сожалению, оказался практически не готов пронести эти сложные чувства через всю жизнь. Бывало, он вел себя как ласковый котенок, но мог внезапно превратиться в самовлюбленного нарцисса-льва. Его жизнь и поведение подтверждали правильность выбора родителями имени для сына — Лев. Неистовость царя зверей, которая так привлекала поклонников Толстого во всем мире, едва не убила жену писателя, которая за 48 лет их бурного брака неоднократно пыталась покончить с собой.

Зная все это, стоит ли прислушиваться к Толстому? Зачем?

Затем, что его жизнь, полная крайностей и противоречий, делает его не только чрезвычайно привлекательной личностью, но и на редкость хорошим учителем. Если американский философ и педагог Джон Дьюи* был прав, полагая, что «неудачи поучительны», то жизнь Толстого — настоящая золотая жила для учащихся. Мы можем многому научиться у этого русского писателя, делавшего одну ошибку за другой; у писателя, который прошел горнило жизни и выжил.

Писатель, погружавшийся в самые глубины жизни, а затем описывавший ее так точно, как ни один какой-либо другой, еще и непоколебимо верил в возможности человека. В 61 год он писал

* Джон Дьюи (1859–1952) — американский философ и педагог, основатель нового направления философии прагматизма — инструментализма. — *Прим. пер.*

80-летний Толстой в Ясной Поляне, 1908 г.

изнемогавшему под грузом проблем другу: «Как ни стар, как ни болен, как ни много, как ни мало сделал, все твое дело жизни не только не кончено, но не получило еще своего окончательного, решающего значения до последнего издыхания»¹⁹. Этот пылкий, жизнеутверждающий дух определяет не только потрясающий жизненный путь Толстого, но и путь его персонажей.

Мир, говорит нам Толстой, — таинственное место, где все не всегда то, чем кажется, а сегодняшняя трагедия часто прокладывает путь к завтрашнему триумфу. Можно процитировать самого Толстого: «Человек течет, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр, и наоборот. В этом величие человека»²⁰.

Однако некоторым заветам Толстого, пожалуй, следовать все же не стоит и уж, конечно, не следует слепо подражать ему. Будучи сравнительно уравновешенным парнем из семьи бизнесменов, я, например, всегда считал, что полный отказ Толстого от коммерческого подхода к своей собственности в последние годы жизни породил множество проблем. Меня также отталкивает его стиль обращения с женой и детьми. Пытаясь жить в соответствии со своими жесткими моральными принципами и требуя того же от других, Толстой бывал ужасно непрактичен, а его совет относительно выбора карьеры, данный старшему сыну Сереже, когда тот окончил университет, — взять метлу и мести улицы²¹ — свидетельствует о вопиющем пренебрежении родительскими обязанностями, так же как намерение графа раздать свое имущество и имущество семьи крестьянам и отказ от авторских прав на все ранее опубликованные сочинения, включая «Войну и мир» и «Анну Каренину».

Несколько лет назад я читал лекции в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» и имел сомнительное удовольствие присутствовать при обсуждении этого решения потомками Толстого. Я спросил, что они об этом думают. Праправнук

Толстого Илья считал решение правильным, полагая, что знаменитый предок не хотел, чтобы его вечные произведения превратились в рыночный товар. Прапраправнук графа (тоже Илья) не соглашался. «Финансовые соображения не менее важны, чем моральные, — сказал он и добавил почти в шутку: — Только представьте, как бы мы жили сегодня, если бы унаследовали авторские права». На самом деле потомки Толстого в этом случае жили бы ненамного лучше: в процессе строительства социализма советская власть в любом случае реквизировала бы все толстовские активы. Как бы там ни было, жаркие споры о противоречивых взглядах писателя продолжаются и в кругу его потомков, и в просвещенных академических кругах, и на страницах не столь просвещенных российских СМИ, и даже в Русской православной церкви, которая до сих пор отказывается официально отменить решение об отлучении Толстого от церкви, принятое еще в 1901 году*, и простить писателю его гневные нападки на Церковь.

Церковь была не единственным институтом, пострадавшим от толстовского пера. Советский литературовед Михаил Бахтин был недалек от истины, когда сформулировал сокрушительный обвинительный приговор, в последние годы жизни вынесенный Толстым своему времени: «Всякая деятельность в этом мире, все равно охраняющая или революционная, одинаково лжива и зла, и чужда истинной природе человека»²². Более того, взгляды писателя, которого Ленин называл «зеркалом русской революции» (слова в заголовке ленинской статьи), в какой-то мере действительно служили источником вдохновения для поколения

* Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 г. №557, с посланием верным чадам Православной Греко-русской церкви о графе Льве Толстом было опубликовано 24 февраля 1901 г. в официальном органе Синода, журнале «Церковные ведомости», и на следующий день опубликовано в российских газетах. — *Прим. пер.*

революционеров, в 1917 году полностью уничтоживших имперское самодержавие, которое начало вызывать у Толстого отвращение. К сожалению, большевики установили режим еще более жестокий и коррумпированный, чем тот, который разрушили. Толстой пришел бы в ужас, увидев, как в XX веке станут трактовать и воплощать в жизнь некоторые его идеи радикальных социальных изменений. Однако вряд ли можно винить писателя в том, что случилось в России в 1917 году. Да, люди прислушивались к его словам. Но к каким именно? К рассуждениям на темы морали, а не к тому, о чем он говорил как художник. В этом все дело.

Во второй половине XIX века, ознаменовавшейся тиранией власти в сочетании с революционной лихорадкой и стремительной индустриализацией, читатели из всех лагерей, искавшие пути решения проблем современности, видели в полемических трактатах Толстого либо прямую поддержку собственных установок, либо ненавистные им идеологемы и возможность использовать писателя в качестве мальчика для битья. Вы считаете, что современное искусство катится в пропасть? Отлично; значит, статья «Что такое искусство?» (1897) написана для вас. Говорите, что правительство не решает проблемы, а только создает их? О том же говорится в трактате «Царство Божие внутри вас» (1890–1893). Люди спиваются? Тогда бегите (или, как водится у пьяниц, бредите, шатаясь и спотыкаясь) в книжную лавку и хватайте статью «Для чего люди одурманиваются?», впервые опубликованную в 1890 году в качестве предисловия к книге П. С. Алексеева «О пьянстве», посвященной российскому движению за трезвость.

Но одно дело — слушать проповеди Толстого и совсем другое — погружаться в его художественную прозу. Идея — это то, что вы можете разделять или не разделять, с чем можете соглашаться или спорить, но произведение искусства, если оно

великое, выше любых разногласий: оно рисует жизнь во всей ее непередаваемой противоречивости. Никто не понимал этого лучше Толстого. Как, в конце концов, вы можете «соглашаться» или «не соглашаться» с «Войной и миром»? Не можете, потому что Толстой в романе не столько дает ответы на вызовы жизни, сколько говорит об отношении к ней. Следуя своему же совету, который я выбрал в качестве эпиграфа к этой книге, он призывает нас не жить по чужим (в том числе толстовским) рецептам, но вместе с ним и героями его книг пуститься в путь на поиски более глубокого смысла, постоянно задавая трудные вопросы и обретая собственный живой опыт.

«Герой же моей повести, — писал Толстой, когда ему было всего 27 лет, — которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда»²³. Вряд ли сегодня посмеет написать подобное какой-либо молодой, даже самый амбициозный автор; Толстому, когда он писал о любви к своему герою и о правде, явно не хватало самоиронии. Но, знаете ли, «Войну и мир» Толстой создавал не ради победы в конкурсе на самое популярное литературное произведение. Он искал правду и стремился помочь читателям в ее поисках.

«Война и мир» — роман очень длинный. Моя книга относительно коротка. Я выстраиваю текст по тематическому принципу — каждая глава посвящена какой-то одной теме вне хронологической последовательности: «Планы», «Творчество», «Озарение», «Успех», «Идеалы», «Счастье», «Любовь», «Семья», «Мужество», «Смерть», «Стойкость», «Истина». Рассматривая эти базовые концепты, я напоминаю читателям о том, что хорошо понимал Толстой: ни одно слово не может

передать все богатство того опыта, которое оно стремится описать. Думаете, вы знаете, что такое счастье? Или успех? Или мужество? Подумайте хорошенько, предлагает Толстой. Сколько бы ни было в книге слов — пусть даже 566 000! — их не хватит для того, чтобы передать всю противоречивость и величие жизни. Но в этом по определению несовершенном царстве языка Толстой был царем; ему точнее, чем любому другому писателю, удавалось передавать с помощью слов то, что словами передать невозможно. Вот почему я, как вы увидите далее, столь щедро цитирую роман, а также другие произведения Толстого. Делаю это для того, чтобы читатель как можно ближе соприкоснулся с восхитительной толстовской прозой.

В своей книге я привожу биографические и исторические сведения, представляю философские рассуждения Толстого, выражаю восхищение его литературным даром и приглашаю читателей вместе с ним и его героями отправиться на поиск ответов на «проклятые вопросы» о жизни. Кто я? Почему я здесь? Как жить? В каждую главу вплетены поучительные истории из жизни Толстого, к тому же я пишу о своих четвертьвековых странствиях с Толстым и его потомками по России и США, откровенно рассказываю и о моем собственном, иногда трудном и опасном, духовном путешествии. Работая над книгой, я стремился осветить и вдохновить читателей мудростью Толстого — ведь я и сам преобразился под влиянием его творений. Книга адресована тем, кто ищет новые ответы на вызовы современности, и тем, кто хотел бы больше узнать об одном из величайших писателей мира и его личности, поражавшей воображение огромного множества людей.

Я пытался показать в Великом Человеке обычного человека и представить читателям живые идеи, содержащиеся в величайшем из великих творений. Надеюсь, что моя книга побудит самых разных людей прочесть — или перечитать — произведения

Толстого. Это своего рода спутник «Войны и мира», дополнение к роману; надеюсь, книга порадует даже тех, кто пока не прочел ни одной толстовской строчки. Полагаю, она поможет сделать шедевр великого романиста более доступным, актуальным и захватывающим.

Работая над «Войной и миром», Толстой даже свою философию творчества объяснял как истинный художник.

Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях. Ежели бы мне сказали, что я могу написать роман, к[отор]ым я неоспоримо установлю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятил и двух часов труда на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться и полюблять жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы²⁴.

Цель моей книги — поддерживать этот удивительный процесс, помогать читателям плакать и смеяться и благодаря необыкновенному видению Толстого, может быть, даже «полюблять жизнь».

ГЛАВА 1

П Л А Н Ы

*Шахматная игра ума идет независимо
от жизни, а жизнь от нее.*

Л. Н. Толстой. Дневник, март 1863 г.²⁵

В 19 лет у Толстого, дворянина и владельца обширного имения, были большие планы на будущее. Он перечислил их в своем дневнике:

1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете. 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский. 4) Изучить сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое. 5) Изучить историю, географию и статистику. 6) Изучить математику, гимназический курс. 7) Написать диссертацию. 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи. 9) Написать правила. 10) Получить некоторые познания в естественных науках. 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать²⁶.

Чтобы не сбиться с пути, Толстой составил систематизированный список правил, которые намеревался соблюдать неукоснительно. Вот лишь некоторые разделы этого списка из дневника писателя:

Правила для развития воли телесной

Правила для развития воли чувственной

Правила для развития воли разумной

Правила для развития памяти

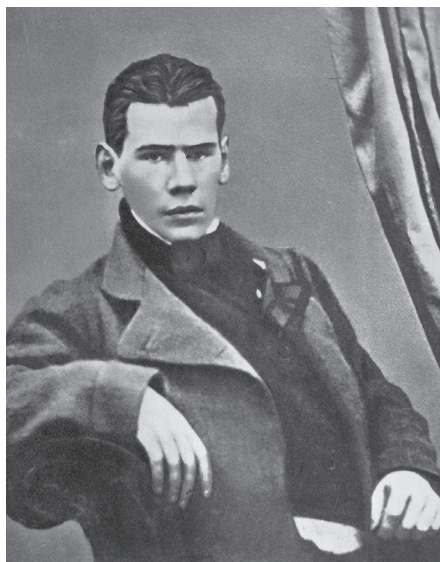
Правила для развития деятельности

Правила для развития умственных способностей

Правила для развития чувств высоких
и уничтожения чувств низких, или иначе:

правила для развития чувства любви
и уничтожения чувства самолюбия

Правила для развития обдуманности²⁷

Человек, составивший планы на жизнь. Толстой-студент, 1849 г.

Ах да, у Толстого было еще одно правило: «Первое правило, которое я назначаю, есть следующее №1. — Исполни́й все то, что ты определил быть исполнену... Не исполнил правила»²⁸. Толстой не преувеличивал. Об этом свидетельствуют его «достижения» за те пять лет, когда он писал список своих намерений:

- Некоторое время учился в Казанском университете, но не окончил его.
- Переехал в Петербург, планировал поступить в университет, а затем на государственную службу, но увлекся картами, женщинами и вином и ничего этого не сделал.
- Потерпел неудачу на поприще сельского хозяйства, управления недвижимостью и аграрных реформ.
- В своем имении открыл школу для крестьянских детей, но из этой затеи ничего не вышло.
- Проиграл в карты несколько десятков тысяч рублей (по сегодняшнему курсу около \$500 000).
- Проиграл в карты дом в Ясной Поляне, в котором родился.
- Потерпел неудачу в отношениях со всеми женщинами, которых пытался завоевать.
- Вместе с братом посещал бордель и плакал от стыда, когда приходило время расплачиваться.
- Несколько раз лечился от венерических заболеваний.
- Начал страдать усиливающимися приступами ипохондрии, у него развился патологический страх смерти.
- Утратил веру в Бога, снова обрел ее, а затем опять потерял.

Правда, Толстой отличился на военной службе на Кавказе, ему было присвоено звание поручика. Но вот что интересно: он добился успеха в деле, которое и не думал включать в свой список

юношеских амбиций, — в сочинительстве. Это было одним из немногих достижений, украсивших его довольно унылое резюме. До того момента все, за что Толстой ни брался, оканчивалось неудачей, так что в результате он пришел к неутешительному выводу: «Легче написать 10 томов философии, чем приложить какое-нибудь одно начало к практике»²⁹. Нельзя сказать, что это мешало ему пробовать себя в разных областях деятельности. Более того, будущие поколения читателей должны быть благодарны судьбе за то, что жизнь Толстого сложилась не совсем так, как он планировал, — ведь по мере того, как список его неудач становился все более внушительным, он приобретал мудрость, необходимую для создания «Войны и мира».

«Шахматная игра ума идет независимо от жизни, а жизнь от нее»³⁰, — писал Толстой в 1863 году в дневнике. То же можно сказать о любом рассудочном убеждении и рациональном намерении его персонажей. В бальном ли зале или на поле боя — при соприкосновении с реальной жизнью их идеи и планы рассеиваются, подобно метеоритной пыли. Толстой считает, что именно те его герои, которые начинают понимать, как мало они знают о том, что их ждет, на самом деле знают больше других.

В первом томе романа в ночь перед битвой под Аустерлицем (1805) на военном совете высокопоставленные военачальники-стратеги готовятся к предстоящему сражению, анализируя передвижения войск, оценивая численность армии Наполеона и строя планы. Казалось бы, при таком подходе победа обеспечена — как же иначе? На самом деле русские и их союзники австрийцы будут разбиты, причем не вопреки тщательному планированию, а именно из-за него.

Самоуверенно водя указкой по заранее, до начала совета, развернутой великолепной карте, австрийский генерал Вейротер битый час громко и монотонно читает (причем на немецком языке) до тошноты подробный письменный план «диспозиции